

С. П. Нестеров, С. В. Алкин

Институт археологии и этнографии СО РАН

Новосибирск, Россия

E-mail: gorashapka1@gmail.com; alkin-s@yandex.ru

Археологические исследования памятника Малые Симики на реке Бурея

В статье представлены результаты раскопок археологического объекта в Бурейском р-не Амурской обл., расположенного недалеко от устья р. Малые Симики, правого притока р. Буреи. Его площадь определена в 400 м². Предварительные исследования в 1988 г. показали, что его восточная часть была распахана, в результате чего культурный слой, который здесь располагался сразу под дерном, оказался поврежден и перемешан. Основная цель исследования – публикация материалов раскопок, их этнокультурный анализ и датировка. В результате раскопок 1994 и 2016 гг. было установлено наличие двух периодов освоения террасы на правом берегу существовавшей в то время бурейской протоки. Первыми это место освоили представители урийской культуры раннего железного века (XI–II вв. до н.э.), которые периодически сюда приходили, вероятно, во время сезонного промысла. Кроме остатков многочисленных обломков керамической посуды, каменных орудий и отходов от их изготовления, им принадлежат 11 кострищ. Единичные находки фрагментов примерно от трех сосудов талаканской культуры (II в. до н.э. – III в. н.э.) маркируют второй период посещения этого места на левом берегу р. Малые Симики. Сейчас это место находится на дне водохранилища Нижнебурейской ГЭС.

Ключевые слова: Амурская обл., р. Бурея, памятник Малые Симики, урийская культура, талаканская культура, керамика, каменные предметы.

S. P. Nesterov, S. V. Alkin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS

Novosibirsk, Russia

E-mail: gorashapka1@gmail.com; alkin-s@yandex.ru

Archaeological Studies at the Malye Simichi Site on the Bureya River

The authors present the results of excavations at an archaeological site located near the mouth of the Malye Simichi River, a right tributary of the Bureya River in the Bureya District of the Amur Region. The excavation area reached 400 m². Preliminary investigations in 1988 showed that its eastern part had been plowed, as a result of which the cultural layer located immediately under the turf was damaged and mixed. The main goal of the study is the publication of excavation materials, their ethnic-cultural analysis and dating. As a result of excavations in 1994 and 2016, two periods of development of the terrace on the right bank of the Bureya channel that existed at that time were established. The earliest population in this area were the bearers of the Uril culture of the early Iron Age (11th–2nd centuries BC); that population occupied the site periodically, probably during fishing seasons. In addition to the remains of numerous fragments of ceramic dishes, stone tools and production waste, the remains of 11 fire pits were identified. Isolated finds of fragments from approximately three vessels of the Talakan culture (2nd century BC – 3rd century AD) mark the second period of visitation of this site on the left bank of the Malye Simichi River. Nowadays, this area is submerged by the reservoir of the Nizhnebureyskaya hydroelectric power station.

Keywords: Amur region, Bureya River, Malye Simichi site, Uril culture, Talakan culture, ceramics, stone objects.

Памятник Малые Симики на правом берегу р. Буреи открыт А. И. Мазиным в 1978 г. Его площадь была определена примерно в 400 м². Дополнительное обследование А. В. Гребенщиковым и С. П. Нестеровым в 1988 г. показало, что восточная часть его площади была распахана, в результате чего культурный слой, который здесь располагался сразу под дерном, оказался поврежден и перемешан. Памятник был рас-

положен на рёлке в 320 м севернее от р. Буреи, на левом берегу р. Малые Симики, в 80 м к востоку от ее современного русла и в 520 м от устья*. В прошлом она в виде мыса, вероятно, выклинивалась при соеди-

* Современные возможности в измерении расстояний позволили внести корректировку в определения 48-летней давности [Древности Буреи, 2000, с. 97].

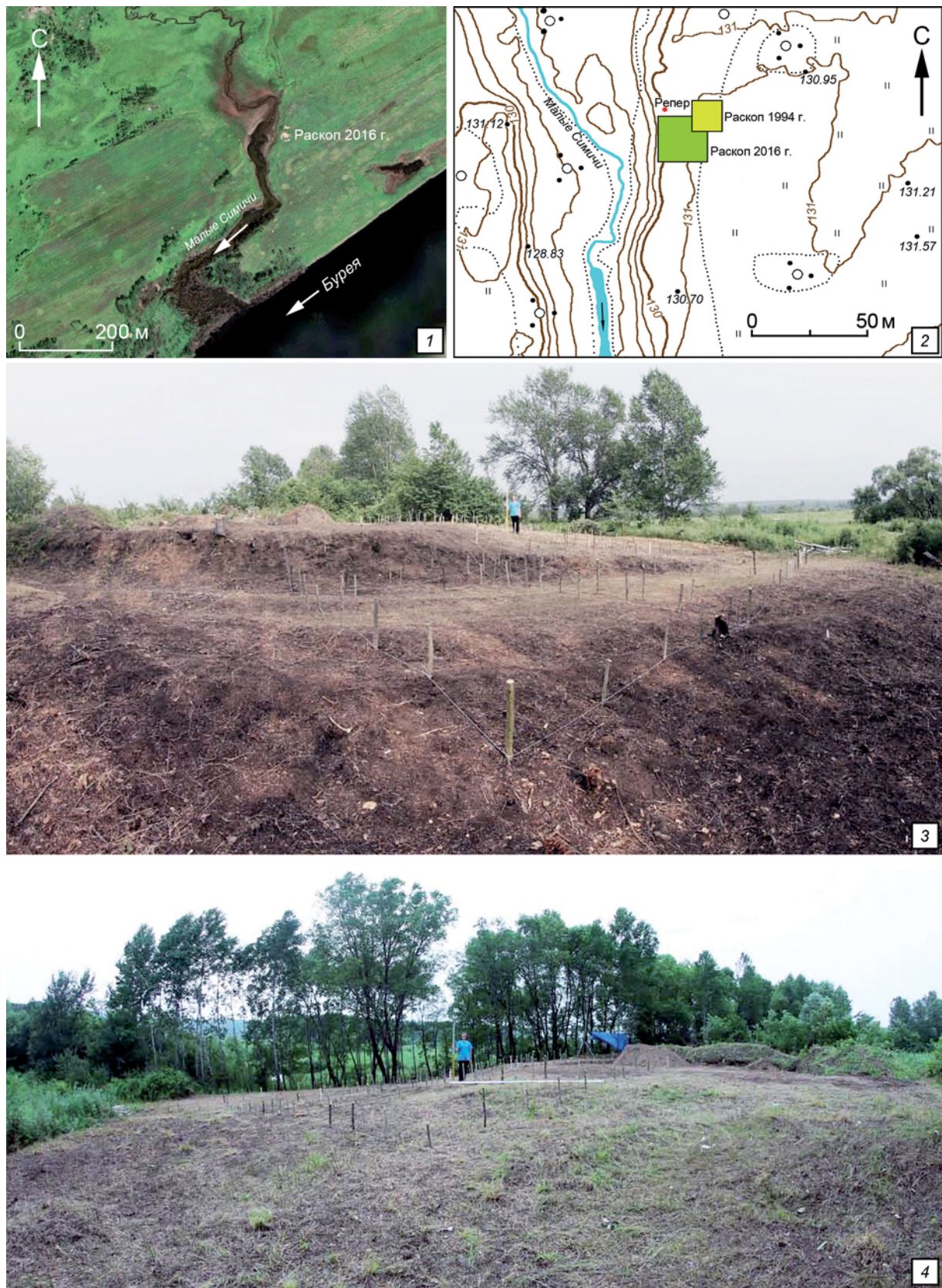

Рис. 1. Вид из космоса на устье р. Малые Симичи и местонахождение археологического памятника (1); топографический план местности (2); виды с северо-запада (3) и с юго-востока (4) на современную поверхность раскопа в 2016 г.
Редакция авторов.

нении одной из протоков р. Буреи и р. Малые Симичи (рис. 1, 1). Возвышенность вытянута по оси северо-восток – юго-запад. Ее высота в 2016 г. над уровнем р. Буреи с юго-западной стороны была 5 м, с северо-восточной – напротив устья р. Большие Симичи – 6 м. К западу эта поверхность заканчивалась обрывистым левым берегом Малых Симичей. С южной стороны она нешироким уступом (около 10–15 м) спускалась к некогда существовавшей протоке р. Буреи.

В 1994 г. С. П. Нестеровым и Д. П. Болотным на юго-западной части возвышенности проведены раскопки на площади 100 м². Стратиграфия отложений на краю возвышенности по линии северо-восток – юго-запад представляла собой: (1) задернованный слой современной пашни; (2) слой светло-желтый аллювиального песка (до 40–50 см), который не перекрыл всю поверхность рёлки, а отложился только по ее юго-западному краю; (3). Слой первой погребенной почвы (до 20 см) с гумусированным коричневато-черным прослоем погребенного дерна (3.1) и прослоем супеси темного цвета (3.2) с археологическими находками; (4) слой аллювиального песка.

В исследованной части памятника обнаружены 11 кострищ, вокруг которых большей частью концентрировались находки керамики и каменных изделий, и хозяйственная яма, перекрытая галечной кладкой. По обнаруженным фрагментам керамики и каменному инвентарю (всего 978 экз.) памятник отнесен к урийской культуре раннего железного века и определен как сезонная охотничье-рыболовная стоянка. Находки в кровле слоя 3 нескольких фрагментов керамики талаканской культуры свидетельствуют о следующем этапе посещения этой возвышенности в устье р. Малые Симичи [Древности Буреи, 2000, с. 30, 97–104].

В связи с затоплением ложа водохранилища Нижнебурейской ГЭС в 2015 г. были возобновлены масштабные раскопки на ряде археологических объектов, в т.ч. на памятнике Малые Симичи, где в 2016 г. было вскрыто 215 м² площади террасы [Цыбанков и др., 2016; Цыбанков, 2017, т. I, с. 133–163; т. IV, с. 119–214]. Раскоп охватил площадь памятника с юго-западной стороны от исследованного в 1994 г. пространства (рис. 1, 2–4; 2, 1). Обобщенная стратиграфия памятника представляла собой: 1) дерн с современной поверхностью по структуре мешаный частью из-за распахивки, частью как результат прокладки грунтовой дороги, во время которой был срезан край современной рёлки; 2) песок аллювиальный светло-желтый, отложенный водным потоком катастрофического наводнения между IX и XI вв. н.э. [Древности Буреи, 2000, с. 191]; 3) первая погребенная почва: неоднородная желтовато-черная гумусированная слоистая супесь с археологическими артефактами; 4) песок светло-желтый; 5) вторая погребенная почва желтовато-серого запесоченного легкого суглинка без археологических находок (рис. 2, 2, 3).

Для участка, выбранного для раскопок в 2016 г., характерна слабая насыщенность культурного слоя археологическим материалом. Он был распространен по площади раскопа от раскопа 1994 г. в юго-западном направлении и, судя по нивелировочным отметкам, вниз по склону рёлки в виде восьми условных скоплений, разделенных пустыми пространствами (см. рис. 2, 1). Всего обнаружено 146 находок. В большем количестве это фрагменты керамических сосудов (79 экз.), которые представлены обломками венчиков и стенок тулова. Среди каменных предметов (67 экз.) имеются отщепы (14), галечные сколы (9), гальки (18), колотые гальки (23), галька со следами обработки и обломки песчаника (2). Все они происходят из первого культурного горизонта слоя 3. Скорее всего, этот участок стоянки являлся местом выброса бытовых и отходов от изготовления каменных орудий под склон возвышенности в сторону существовавшей под ней протоки р. Бурея. Об этом свидетельствуют нивелировочные данные находок от уровня репера для этого раскопа, который располагался в 3 м севернее северной стенки раскопа с абсолютной отметкой 134 м Балтийской системы высот (см. рис. 1, 2). Формирование мусорных накоплений, так же, как и появление на стоянке 11 кострищ, открытых в 1994 г., было растянуто во времени [Древности Буреи, 2000, с. 101], поэтому состав находок в скоплениях является случайным. Однако в некоторых из них преобладают или обломки керамических сосудов, или каменные предметы.

Среди керамического боя подавляющее большинство фрагментов принадлежит сосудам *урийской культуры* раннего железного века (XI–II вв. до н.э.). Фрагмент тулова сосуда из кв. И-8' (–3,52, глубина в метрах соответствует отметкам на плане раскопа, см. рис. 2, 1) орнаментирован короткими прямыми разнонаправленными прочесами пятизубчатым шпателем (рис. 3, 1). У фрагмента горловины с верхней частью тулова из кв. И-2' (–2,87) плавно отогнутая шейка имеет малую кривизну отгиба наружу и венчик с утолщенным округлым краем. Она орнаментирована короткими прямыми разнонаправленными прочесами семизубчатым шпателем (рис. 3, 2). Небольшой черепок тулова другого сосуда из кв. М-2 (–1,93) имеет орнамент из коротких крестообразно направленных прочесов семизубчатым шпателем (рис. 3, 3). В кв. Т-1' (–3,69) в скоплении из четырех фрагментов керамики обнаружена горловина с верхней частью тулова другого сосуда с шейкой малой кривизны, с отогнутым наружу почти под прямым углом венчиком с утолщенным округлым краем. Орнамент из крестообразно расположенных прочесов пятизубчатым шпателем нанесен до нижнего края шейки (рис. 3, 4). Фрагмент горловины сосуда из кв. Л-2' (–2,6) имеет валик, который расположен в месте ее соединения с венчиком. Валик образован полосой из углублений прямоугольной формы, по краям которых формировались

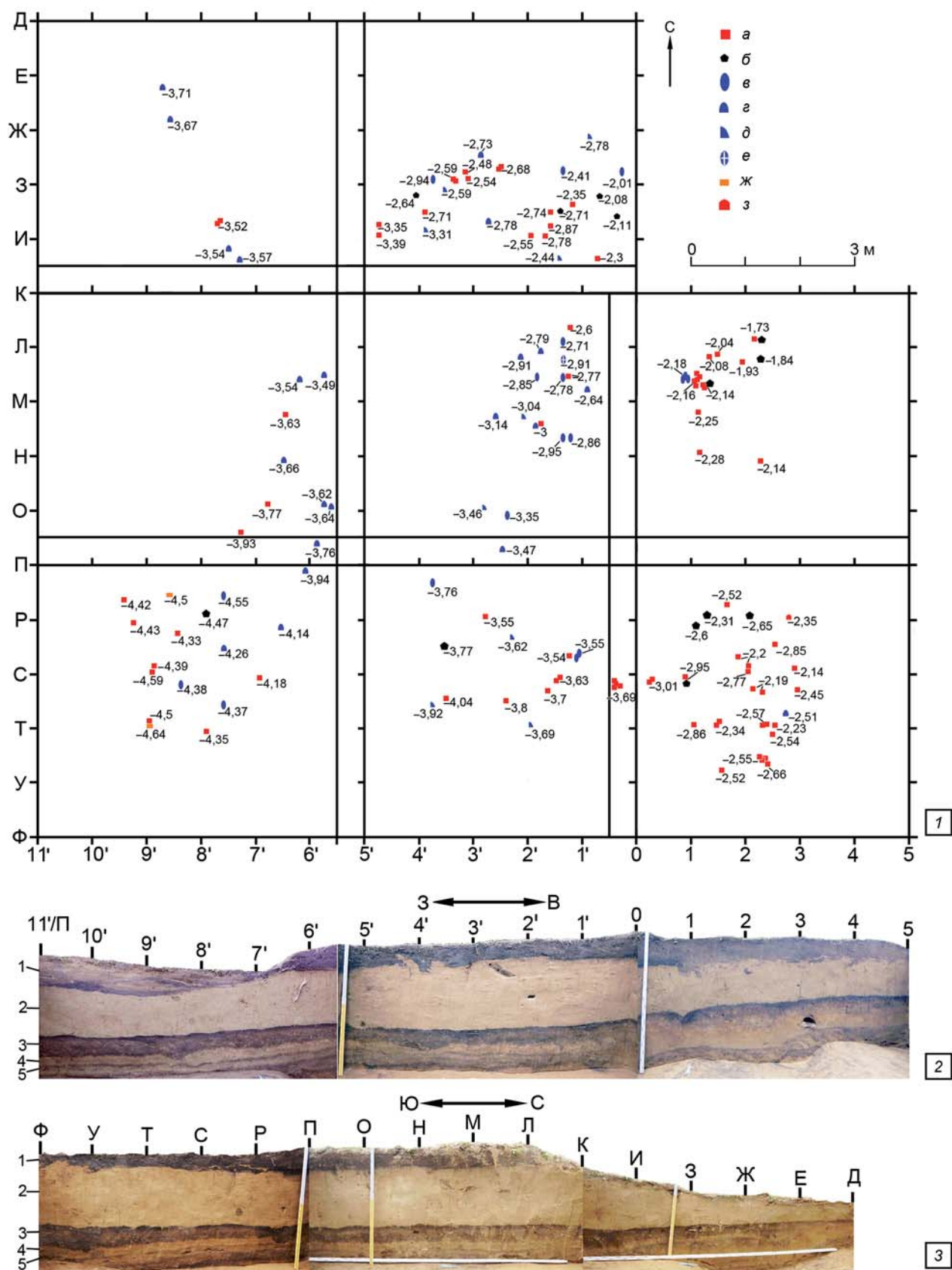

Рис. 2. План находок в слое 3 (1). Стратиграфия бровок по линиям П (2) и 5' (3). Редакция авторов.

а – фрагмент керамики; б – отщеп; в – галька; г – колотая галька; д – галечный скол; е – галька со следами обработки; ж – песчаник; з – скребок на фрагменте керамики.

Рис. 3. Фрагменты керамики (1–13) и каменные предметы (14–21) из слоя 3.

бортики (рис. 3, 5). В кв. У-3 (–2,66) обнаружен фрагмент тулова с отогнутой под углом горловиной и венчиком со срезанным наружу краем. На тулове присутствует орнамент из пояска вертикальных округлых оттисков (рис. 3, 6). В этом же квадрате (–2,45) найден фрагмент горловины с частью тулова, с отогнутой под углом шейкой и венчиком с округлым краем. На верхней части тулова присутствует орнамент в виде пояска из вертикальных округлых оттисков, перекрытых на большей части черным пищевым нагаром (рис. 3, 7). На фрагменте тулова сосуда из кв. С-3 (–2,85) сохранился орнамент из пяти горизонтальных врезных линий, прочерченных уплощенным концом узкой (5–6 мм) лопаточки. Между двумя блоками горизонтальных полос этим же инструментом нанесен зигзаг, состоящий из отдельных коротких полосок (рис. 3, 11). Небольшой фрагмент тулова сосуда из кв. У-2 (–2,52) украшен тремя плотно расположенными друг к другу горизонтальными наlepными валиками с частыми поперечными насечками. Ниже этого ряда сохранились остатки минимум еще от двух аналогичных валиков (рис. 3, 12). На фрагменте тулова еще одного сосуда из кв. Т-4' (–4,04) разнонаправленный зигзаго-крестообразный орнамент в виде прочесов нанесен трехзубчатым шпателем небольшой ширины (рис. 3, 13).

Неорнаментированный маленький фрагмент сосуда найден только один в кв. Т-2' (–3,63). Его внешняя поверхность красного цвета, внутренняя – светло-коричневая (рис. 3, 8). Обжиг этого сосуда происходил в окислительной среде, в отличие от восстановительной среды описанных выше фрагментов сосудов.

Орудие урильской культуры встречено только одно. Это керамический скребок из кв. Р-3 (–2,35) для очистки шкур от мездры. Для этого использовали удобный для руки и подходящий по форме фрагмент керамики с орнаментом из коротких прямых разнонаправленных прочесов шестизубчатым шпателем. В процессе работы его один край был скруглен и залощен. Судя по размерам (длина – 4,9 см, ширина – 1,8 см, толщина 4 мм), он был в ходе эксплуатации сломан, и потому выброшен (рис. 3, 10).

Описанные выше фрагменты керамики урильской культуры принадлежат минимум десяти сосудам.

В кв. Н-4' (–2,71) найден фрагмент венчика сосуда *талаканской культуры* (II в. до н.э. – III в. н.э.) с наlepным валиком-лентой по его внешнему краю (рис. 3, 9).

Отнесение каменных предметов к какой-либо культуре имеет определенные трудности, т.к. и в урильской, и в талаканской культурах население активно использовало камень для изготовления орудий. Однако, учитывая преобладание на памятнике урильской керамики, можно допустить, что каменный материал, отходы от производства инвентаря относятся в большей степени именно к урильской культуре. Это отщепы и сколы с галек (рис. 3, 14–18). Галеч-

ный отщеп каплевидной формы из кв. И-1' (–2,11) по краям имеет приостряющую ретушь. Он мог использоваться как режущий инструмент или как скребок (см. рис. 3, 16). Другой галечный отщеп (кв. Р-2, –2,31) подходящий формы был использован как небольшое тесло с округлым рабочим лезвием (рис. 3, 17).

Значительных размеров галька из кв. М-3 (–1,84) могла быть нуклеусом для получения отщепов. После он был подработан под рубящий инструмент (рис. 3, 19). На удлиненной гальке из кв. Ж-9' (–3,67) на одной из граней имеется округлой формы углубление, образованное мелким пикетажем, возможно, при ее использовании в качестве ударного инструмента. На обоих концах гальки присутствуют сколы, видимо, появившиеся в результате работы ею как отбойником (рис. 3, 20).

Функциональный анализ каменного инвентаря из раскопок 1994 г. показал, что большое количество отщепов и присутствие инструментов для работы по камню свидетельствует об изготовлении необходимых орудий на месте стоянки по мере их необходимости [Древности Буреи, 2000, с. 102–103]. Видимо, существовала выбраковка принесенного галечного сырья, в результате чего под склон возвышенности выбрасывались не пригодившиеся расколотые и целые гальки (см. рис. 2, 1; рис. 3, 21).

В результате раскопок на памятнике Малые Сими-чи в 1994 и 2016 гг. исследовано 315 м² его площади. Всего обнаружено 1 124 находки, из них: 618 фрагментов керамики и 506 каменных предметов.

В 1994 г. на памятнике была обнаружена хозяйственная яма, перекрытая галечным панцирем. Под каменной кладкой шло заполнение из красно-коричневого прокаленного песка с редкими угольками, на дне располагался слой мешаного песка с хаотичным вкраплением гумуса. Оба слоя являются засыпкой ямы [Древности Буреи, 2000, с. 98–101]. Похожие ямы с большими камнями или группами камней на их поверхности встречены на сезонной стоянке урильской культуры Сухие Протоки-2 на р. Бурее. Они имеют аналогичное заполнение прокаленным грунтом с угольками и определены как ямы для квашения (ферментирования) рыбы. Большие камни, каменные рыболовные грузила служили гнетом и, возможно, маркировкой ям на поверхности [Там же, с. 96]. Аналогичную функцию выполняла и каменная кладка над ямой на стоянке Малые Сими-чи.

На многослойном поселении Поярково-1 на р. Амур исследовано 23 ямы, часть из которых относятся к раннему железному веку [судя по материалу, к урильской культуре. – *Авт.*]. Они могли использоваться для переработки мяса животных и рыбы. В зависимости от их конструкции это было горячее или холодное копчение [Зайцев и др., 2007, с. 8].

Как отмечает Ю. А. Сем, в прошлом по осени нанайцы очищенную от костей и выпотрошенную рыбу лососевых пород закладывали в яму, закрывали

ее берестой и рыбьей кожей и забрасывали землей. Процесс ферментации (силосования) шел в максимальной герметичности без доступа воздуха. Яма вскрывалась зимой. У нанайцев второй половины XX в. этот способ приготовления рыбы давно уже не применялся. Судя по описанию процесса, они о нем еще помнили, но название его было забыто [Сем, 1973, с. 108]. Похожие «силосные» ямы делали ительмены и коряки. Рыба шла на корм собакам [Древности Буреи, 2000, с. 96].

В то же время, как показывают этнографические материалы, приамурские народы (орочи и гольды, гиляки и др.) крупную рыбу в основном вялили, коптили, жарили и употребляли в свежем виде. Для сушки ее разрезали, потрошили, снимали с нее кожу и распластанный на широкие полосы развешивали на сушилках тесными рядами [Шренк, 1899, с. 216, 227; Ларькин, 1964, с. 53].

Говоря о рыбных ямах урильской культуры, нужно отметить, что до появления в Приамурье ее носителей у населения громатухинской, новопетровской, осино-озерской неолитических культур подобная практика пока не зафиксирована. Не обнаружено следов подобного способа сохранения рыбы в талаканской, польцевской и малмыжской культурах конца I тыс. до н.э. – первой половины I тыс. н.э. Приамурья, в мохэской и чжурчжэньской культурах Средневековья. Нужно заметить, что рыбные ямы урильской культуры пока обнаружены в местах сезонных стоянок на р. Бурее. В местах постоянных поселений кости рыб и животных встречаются в хозяйственных ямах внутри жилищ (Урильский Остров, Кочковатка, Бензобаки и др.) или в ямах-копильнях (Поярково-1) [Деревянко, 1973, с. 141–143, 158–161; Зайцев и др., 2007, с. 8]. Возможно, сооружение ям для квашения рыбы было спецификой деятельности населения в заготовительных угодьях, которая проявлялась на некоторых сезонных стоянках (Сухие Протоки-2, Малые Симичи). Однако, например, на памятнике Букинский Ключ-1 в слоях урильской культуры они не встречены.

Материалы урильской культуры памятника Сухие Протоки-2 относятся к начальному этапу ее существования в Западном Приамурье: три радиоуглеродные даты показали синхронизированный калиброванный хронологический диапазон 1 032–914 кал. л. до н.э., или XI–X вв. до н.э. [Древности Буреи, 2000, с. 97, табл. VIII].

Переселение в Приамурье из западных и юго-западных районов Маньчжурии и прилегающих территорий Внутренней Монголии протоурильского населения (носителей культур ситуаньшань, байцзиньбао, тэвш и др.) произошло в XI в. до н.э. [Нестеров, Гирченко, 2018]. Можно предположить, что в хозяйственно-бытовом укладе какой-то его части было представление о силосовании рыбы в ямах.

Установлено, что подобный способ сохранения рыбы практиковало население кондонской неолитической общности в Приханьковье [Алкин, 1992].

При раскопках могильника Синькайлю в уезде Мишань провинции Хэйлунцзян (рубеж V–IV тыс. до н.э.) было выявлено, что он был сооружен на месте, где ранее располагались ямы для квашения рыбы, принадлежащие однокультурному с могильником долговременному поселению. Всего в ходе раскопок 1972 г. было обнаружено 10 таких ям. В плане они округлой или овальной формы (диаметр от 0,6 до 1 м.) глубиной до 0,65 м. Нижняя часть песчаного заполнения содержала рыбы кости и чешую, а в одной из ям, в основании заполнения обнаружен костеносный слой из нескольких десятков рыбьих скелетов хорошей сохранности. Китайские исследователи сообщили с отсылкой на местных жителей-нанайцев, что еще в новейшее время подобные рыбные ямы сооружались в тенистых местах на берегу оз. Ханка. Рыбы тушки укладывали брюшком вверх слоями. Соль при этом не использовалась. Яма перекрывалась ветками или досками после чего засыпалась небольшим слоем песка. Летом и осенью рыба могла так храниться 3–5 месяцев. В зимнее время рыбу укладывали в яму в один слой и поливали водой для заморозки. Засыпанная затем грунтом она сохранялась до теплого времени [Ян Ху, Тань Инцзе, 1979, с. 497].

Таким образом, археологические исследования на памятнике Малые Симичи показали наличие двух периодов освоения возвышенного участка на правом берегу бурейской протоки. Первыми это место освоили представители урильской культуры раннего железного века, которые периодически сюда приходили, вероятно, во время сезонного промысла. Кроме остатков многочисленных обломков керамической посуды, каменных орудий и отходов от их изготовления, им принадлежат 11 кострищ и яма для силосования рыбы. Единичные находки фрагментов примерно от трех сосудов талаканской культуры маркируют второй период посещения этого места на левом берегу р. Малые Симичи.

Финансирование

Статья подготовлена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0002 «Общее и особенное в траекториях развития древних культур Востока и Юго-Востока Евразии от эпохи камня до Средневековья».

Список литературы

Алкин С. В. «Кондонская» культурная общность: новые материалы и перспективы исследования // VI Арсеньевские чтения. – Уссурийск: Изд-во Уссурийского государственного педагогического университета, 1992. – С. 150–153.

Деревянко А. П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 356 с.

Древности Буреи / С. П. Нестеров, А. В. Гребенщиков, С. В. Алкин, Д. П. Болотин, П. В. Волков, Н. А. Кононенко, Я. В. Кузьмин, Л. Н. Мыльникова, А. В. Табаров,

А. В. Чернюк; отв. ред. Е. И. Деревянко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 352 с.

Зайцев Н. Н., Кудрич О. С., Волков Д. П., Савченко Т. П., Коваленко С. В., Петров В. Г., Комарова Н. А., Наумченко Б. В. Предварительные итоги исследования многослойного памятника Поярково, поселение-1 // Уч. зап. Благовещ. гос. пед. ун-та. – Т. 24. Гуманитарные науки. – Благовещенск: Изд-во Благовещ. гос. пед. ун-та, 2007. – С. 4–10.

Ларкин В. Г. Орочи (историко-этнографический очерк с середины XIX в. до наших дней). – М.: Наука, 1964. – 175 с.

Нестеров С. П., Гирченко Е. А. Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – СПб.: Росток, 2018. – С. 201–209. – doi:10.18411/nes-2018-27

Сем Ю. А. Нанайцы. Материальная культура (вторая половина XIX – середина XX в.). Этнографические очерки. – Владивосток: [б. и.], 1973. – 315 с.

Цыбанков А. А. Отчет об археологических раскопках памятников Букинский Ключ-1, Букинский Ключ-3, Малые Симичи в Бурейском районе Амурской области в 2016 году. В 4-х т. – Новосибирск, 2017. – Т. I. – 224 с. – Т. II. – 189 с. – Т. IV. – 214 с. // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1034, 1037.

Цыбанков А. А., Першин Р. А., Алкин С. В., Ахметов В. В., Назаров К. Н., Шеломихин О. А. Спасательные археологические работы в зоне затопления Нижнебурейской гидроэлектростанции в 2016 году (Амурская область) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 577–580.

Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. – СПб.: Изд. Имп. Акад. Наук, 1899. – Т. 2: Этнографическая часть, первая половина: главные условия и явления внешнего быта. – 314 с., 37 л. ил.

Ян Ху, Тань Инцзе. Мишань сянь Синькайлю ичжи (Памятник Синькайлю в уезде Мишань) // Каогу сюэбао (Вестник археологии). – 1979. – № 4. – С. 491–516 (на кит. яз.).

References

Alkin S. V. “Kondonskaja” kul’turnaja obshhnost’: novye materialy i perspektivy issledovaniya. In *VI Arsen’evskie chtenija*. Ussurijsk: Ussurijsk State Pedagog. Univ. Press, 1992. P. 150–153. (In Russ.).

Derevianko A. P. Rannii zheleznyi vek Priamur’ya. Novosibirsk: Nauka, 1973. 356 p. (In Russ.).

Larkin V. G. Orochi (istoriko-ethnograficheskii ocherk s serediny XIX v. do nashikh dnei). Moscow: Nauka, 1964. 175 p. (In Russ.).

Nesterov S. P., Girchenko E. A. Kontseptsii proiskhozhdeniya uril’skoi kul’tury v Priamur’e. In *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul’turnogo naslediya regiona*. St.-Petersburg: Rostok, 2018. P. 201–209. (In Russ.). doi:10.18411/nes-2018-27

Nesterov S. P., Grebenshchikov A. V., Alkin S. V., Bolotin D. P., Volkov P. V., Kononenko N. A., Kuzmin Y. V., Mylnikova L. N., Tabarev A. V., Chernyuk A. V. Drevnosti Burei. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000. 352 p. (In Russ.).

Sem Y. A. Nanaitsy. Material’naya kul’tura (vtoraya polovina XIX – sredina XX v.). Etnograficheskie ocherki. Vladivostok, 1973. 315 p. (In Russ.).

Shrenk L. I. Ob inorodtsakh Amurskogo kraia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., 1899. Vol. 2: Etnograficheskaya chast’, pervaya polovina: glavnye usloviya i yavleniya vneshnego byta. 314 p., 37 ill. (In Russ.).

Tsybankov A. A. Otchet ob arkhеologicheskikh raskopkakh pamyatnikov Bukinskii Klyuch-1, Bukinskii Klyuch-3, Malye Simichi v Bureiskom raione Amurskoi oblasti v 2016 godu. In 4 vol. Novosibirsk, 2017. Vol. I. 224 p.; Vol II. 189 p.; Vol. IV. 214 p. Arkhiv IAET SB RAS. F. 1. Inv. 1, D. 1034, 1037. (In Russ.).

Tsybankov A. A., Pershin R. A., Alkin S. V., Akhmetov V. V., Nazarov K. N., Shelomikhin O. A. Rescue Archaeological Excavations of 2016 in Inundation Area of Lower Bureya Hydro-electric Power Station (Amur Region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016. P. 577–580. (In Russ.).

Yang Hu, Tan Yingjie. Mishan xian Xinkailiu yizhi [Xinkailu Site in Mishan County]. In *Kaogu xuebao [Acta Archaeologica Sinica]*, 1979. No. 4. P. 491–516. (In Chin.).

Zaitsev N. N., Kudrich O. S., Volkov D. P., Savchenko T. P., Kovalenko S. V., Petrov V. G., Komarova N. A., Naumchenko B. V. Predvaritel’nye itogi issledovaniya mnogoslainogo pamyatnika Poyarkovo, poselenie-1. In *Uchenye zapiski Blagoveshchenskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. Vol. 24. Gumanitarnye nauki. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagog. Univ. Press, 2007. P. 4–10. (In Russ.).

Нестеров С. П. <https://orcid.org/0000-0003-3629-2730>

Алкин С. В. <https://orcid.org/0000-0002-6319-6448>

Дата сдачи рукописи: 28.05.2026 г.